

ББК 87.226

*Е.В. Гейко***Трансформация русской воинской чести: от преобладания коллективного компонента к индивидуальному***E.V. Geyko***The Transformation of Russian Military Honor: from the Predominance of the Collective to the Complete Individualism**

Понимание воинской чести в России первоначально формировалось под влиянием европейского рыцарства. Как следствие, сильное индивидуалистическое личностное начало, стремление к цели без учета других интересов. Чем больше общество утрачивает духовность, тем более личным становятся нравственные стороны ее жизни, такие как «честь».

Ключевые слова: воинская честь, рыцарская культура, индивидуализм, духовный мир.

Роль нравственной категории «честь» в судьбе нашего Отечества нельзя недооценивать. Это понятие аккумулирует в себе внешнюю чистоту и собственное достоинство, духовный стержень, которые в решающие моменты помогают принять единственно правильное решение. Именно честь превращает обычного мужчину в мужчину-героя.

В крови русского человека веками заложена нравственная потребность в чести. Однако в наше время эта добродетель находится на периферии нравственной жизни. Именно честь раскрывает отношение человека к самому себе и отношение к нему со стороны общества. В данном случае честь является показателем оценки положения человека, рода его деятельности, моральных заслуг. Понятие «честь» дифференцирует людей и, соответственно, требует от самого человека поддерживать критическое отношение к самому себе.

В России не было четко выраженного рыцарства. Понимание воинской чести на Руси первоначально носило явно смягченный характер заимствования и внешнего влияния, прежде всего европейского. Исследователь П. Стефанович отмечает, что в исторических работах, посвященных средневековой Руси, нередко приходится встречать мнение, что в домонгольский период князя Рюриковичи и их дружины руководствовались неким «рыцарским кодексом чести» [1, с. 22]. Особенно часто о рыцарских идеалах речь заходит в связи со «Словом о полку Игореве», причем ключевыми здесь становятся понятия «честь» и «слава», которые неоднократно используются автором этого выдающегося памятника домонгольской Руси. Д. С. Лихачёв уделяет несколько страниц книги о «Слове...» рассуждениям о важности представлений о «чести» и «славе» в рамках «феодальной

Understanding of the military honor in Russia was originally formed under the influence of European chivalry. As a result, there is a strong individualistic personal principle, the pursuit of goals without taking into account other interests. The more society is losing spirituality, the more personal is moral aspects of life, such as «Honor».

Key words: military honor, chivalric culture, individualism, spiritual world.

морали». Тезис, из которого исходит Д. С. Лихачёв, утверждается как непреложная истина в отношении Древней Руси: «Феодализм выработал своеобразный кодекс морали — понятия о дружинной и княжеской чести и славе» [2, с. 89]. Однако «честь» в эту эпоху была атрибутом младшего феодала, она всегда имела материальное выражение, и ее нужно было получить от старшего на иерархической лестнице. Практически это означало добычу, которая была завоевана в битве, или те «дары», которые получала дружина от побежденных врагов или же в дружеском обмене с союзниками.

Позднее понятие «честь» эволюционирует от материального значения к совокупности внешних атрибутов княжеской власти. В это время в моральном сознании общества сложилось представление о сословной и родовой чести как моральное требование, предписывающее человеку образ жизни и действий, не унижающий достоинства определенного сословия или рода. Объясняется это историческими факторами: происходившие междоусобные войны утихали, а в стабилизированном обществе, когда борьба за власть и раздел земель уже были закончены, возрастает сила других, уже нематериальных факторов, совокупность которых по-прежнему объединена в понятие «воинская честь». Возрастает значение князя в политической сфере. Если в период Киевской Руси князь находились в зависимости от веча, которое могло их изгнать, то теперь они приезжали в города с ханским ярлыком, а при необходимости — с татарским отрядом. Таким образом, власть князей по отношению к населению усиливается.

Значение понятия «воинская честь» расширяется, оно включает в себя все характеристики мужчи-

ны как личности и как представителя воинского сообщества, в том числе стремление к подвигам, героизм, вертикаль (с господином) и горизонталь (с равными себе) правил поведения. В последующие века данное понятие широко входит в обиход, становится неотъемлемым атрибутом духовной жизни русского воина.

Выводы этого автора можно использовать для характеристики рыцарской культуры Средневековья: рыцарский этос правомерно определить как индивидуалистический, с тем дополнительным негативным оттенком, который имеет для нас предпочтение соблазнов собственного престижа общему интересу, заботы о сохранении собственного лица — заботе о судьбе боевых соратников. Храбрость, столь ценная в рыцарском этосе, служила, разумеется, защите собственного существования, но также и защите чести, причем смерть рассматривалась как меньшее зло, чем унижение.

Рыцарский этос, с его товарищеским отношением к врагу, отказом от использования преимуществ своей позиции и уравниванием шансов противников, с его ненужным риском ради демонстрации собственных достоинств, нередко оказывался самоубийственным и приводил к гибели целых военных отрядов. И все же он просуществовал несколько столетий, возродился в романтизме и по-прежнему актуален.

В отечественной культуре это было выражено по-особенному: здесь преломляются и черты европейского рыцарства, и исконно русские черты. У русского народа не было недостатка в понятиях о благе и зле. У него были свои особенные правила честности, которые они передавали юношеству и соблюдение или нарушение которых приносило им так же точно честь или позор. Исследователь И. Фоккеродт считает, что многочисленные правила поведения русские переняли у старинных своих победителей и владык, татар Золотой Орды, у которых заимствовали также и все прочие учреждения, как придворные, так правительственные и военные: «Точно так же, как этот народ обыкновенно поставляет добро или зло совсем в других вещах, нежели европеец, и его мысли о том точно так же не сходятся с европейскими, как ночь со днем, то из того естественно вышло не другое что, а только усвоение русскими такого образа жизни у татар, какой для иностранцев, приезжавших в Москву, необходимо должен был казаться варварским и зверским; отвращение к ним этих иностранцев немало усиливали пренебрежительные и надменные приемы, с которыми русские часто встречали посланников иноземных государей по неразумной мечте о преимуществах своего царя пред всеми другими» [4, с. 12].

В толковом словаре Даля, например, мы находим следующее объяснение: «Честь — внутреннее, нравственное достоинство человека, доблесть, честность, благородство души и чистая совесть (“Человек, незапятнанной чести”); заверенье, утверждение

(“Поступок, несовместимый с честью”); высокое звание, сан, чин, должность (“И временщик он, да высоко стоит, в чести”); внешнее доказательство отличия; почет, почесть, почтенье, чествование, изъявление уважения, признание чьего превосходства (“Несть пророк без чести, токмо в отечестве своем” — Ев. от Матф.)). Словарь Ушакова трактует понятие чести как «моральное или социальное достоинство, то, что вызывает, поддерживает уважение (к самому себе или со стороны окружающих)». Р. Г. Апресян подчеркивает некий скепсис морально-философских исследований. Настороженность в отношении рассуждения о морали характеризует определенное состояние моральной атмосферы в обществе, состояние общественных нравов. Чем больше общество и люди утрачивают в своей духовной жизни, тем более личным и сокровенным становится для человека то, что охватывается понятием морали. «Духовная жизнь сама по себе неоднозначна, ценности культуры допускают различное толкование, но там и тогда, где и когда публично провозглашаемые ценности и принципы прямо противоречат здравому смыслу и чувству пристойности, духовная, идейная (в исконном, а не идеологизированном смысле этого слова) жизнь оказывается обреченной на раскол, на невнятность» [5, с. 8–9]. Это теоретическое обоснование трансформации понятия «честь» в сугубо личное понятие. В обществе людей, следующих высочайшим нравственным идеалам, становится меньше по охвату влияния на социум, поэтому человек готов лишь отвечать за личные поступки.

Русская национальная идея не могла себя проявить в условиях языческой разобщенности славянского родоплеменного строя. Хотя в качестве предпосылок, способствующих объединению людей, она содержится в общечеловеческих элементах многих славянских мифов. Однако ни мать-земля, ни солнце не могли соединить воедино пестрые языческие культуры, существовавшие на территории становящегося Киевского государства. Позже, вместе с христианством, в духовный мир людей пришли новые социальные принципы, были перестроены религиозное право, мораль, политика, философия, в целом начал формироваться иной тип культуры. Эта новая культура привнесла новый компонент в понятие «чести» — индивидуальный.

По нашему мнению, «честь» — это степень осознанной социальной значимости личности. Преломляясь сквозь призму культуры своего народа, его традиций и ценностей, это понятие перестает быть единым и неизменным для каждого. Оно обретает субъективно-личностные черты. Мы полагаем, что концентрация в человеке нравственных правил, достоинств человека и является показателем «честности». Такая концентрация духовно-нравственного начала и его действия во благо общества предстает важнейшим двигателем культурного процесса.

Библиографический список

1. Стефанович П. «Честь» и «Слава» на Руси в X — начале XIII вв.: Терминологический анализ // Мир истории. — 2003. — №2.
2. Лихачев Д.С. Объяснительный перевод «Слова о полку Игореве» // Слово о полку Игореве / вступит. статья и подготовка древнерус. текста Д. Лихачева ; сост. и коммент. Л. Дмитриева ; худож. В.А. Фаворский. — М., 1985. (Классики и современники. Поэтическая библиотека).
3. Mead Margaret. Introduction // Cooperation and Competition among Primitive Peoples. — N. Y. ; L., 1937.
4. Фоккеродт И.Г. Россия при Петре Великом / пер. А.Н. Шемякина // Неистовый реформатор. — М., 2000.
5. Апресян Р.Г. Идея морали и базовые нормативно-этические программы. — М., 1995.